

лу, сводят глаза к носу или прижимают язык к твердому небу. Физиологические реакции, характерные для стресса, вызывает также боль, и некоторые люди додумались до того, чтобы в ботинок под большой палец класть кнопку: боль при надавливании на нее должна вызывать реакцию.

Впрочем, при обследовании возможны и курьезы. К примеру, однажды вопрос «Вы сидите на стуле?» вызвал у человека бурю эмоций. Машина зафиксировала «ложь». А на самом деле под человеком просто за полчаса до того развалилась табуретка, и он упал на пол (во время опроса этот случай был еще слишком свеж в памяти).

25-26 мая 1994 года в Москве состоялся научно-практический семинар по обсуждению проблем использования полиграфа, достижений в области экстрасенсорики, гипноза, биолокации и других. Организатором являлось ВНИИ РФ. На семинаре выступили не только научные сотрудники этого института, но и работники центрального аппарата, и практические работники МВД, представители Генеральной прокуратуры.

Касаясь практического использования полиграфа по конкретным делам, представитель Главного управления уголовного розыска УВД России сообщил, что в этом управлении в 1991 году была создана группа по применению полиграфа. В 1992 году этот прибор успешно использовался при раскрытии преступлений семьи дипломата, по делу об убийстве шахтера в Воркуте, по факту вооруженного нападения на пожарно-техническую школу МВД в Иркутске.

Однако отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание в качестве доказательств результатов тестирования на полиграфе во время допроса, сдерживает развитие научных исследований в этом направлении, не позволяет в полной мере использовать возможности указанного метода для сбора доказательств. Поэтому в настоящее время этот метод на практике реализуется в основном лишь для получения ориентирующей, а не доказательственной информации.

Профессор Е. Ищенко на страницах «Юридической газеты» в статье «Правда и ложь о детекторе лжи» привел данные практических работников (151 следователя прокуратуры, 236 следователей МВД, 48 прокуроров-криминалистов, 27 руководителей следственных подразделений и 50 дознавателей). За

применение в следственной практике приборов, регистрирующих психофизиологические реакции, высказывался 31 %, 23 % считают, что это допустимо только в тактических целях; 34 % ответили, что не задумывались над этим вопросом, и только 11 % отнесли к использованию подобной техники отрицательно. Таким образом, 54 % практиков высказывались за использование приборов типа полиграфа на предварительном следствии.

О том, что полиграф при умелом, тактически грамотном его применении выступает в качестве важного средства объективизации расследования по уголовным делам, лучше всего говорят статистические данные. На упомянутой выше конференции в Краснодарском крае приведены следующие красноречивые цифры: полиграфные проверки, проведенные в отношении 1226 подозреваемых в совершении тяжких преступлений, показали, что 702 проверяемых оказались непричастными к инкриминируемому им деянием.

Главный же вопрос заключается в опытности исследователя, а это означает, что при достаточной квалификации последнего полиграф может с успехом применяться для изобличения лжеца. Но в то же время не стоит забывать о том, что в руках неопытного исследователя полиграф может стать реальной угрозой для гражданских свобод.

Литература

1. <http://www.itogi.ru/>
2. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие / А. Р. Ратинов. – М.: НИРИО ВШ МООП СССР, 1967.
3. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: АСТ, 2001. – 976 с. (Библиотека практической психологии).
4. Холодный, Ю. И. Полиграфы ("детекторы лжи") и безопасность. Справочная информация и рекомендации / Ю. И. Холодный. – М.: Мир безопасности, 1998. – 95 с.
5. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб.: Питер, 1999. – 272 с. Серия Мастера психологии.
6. Юридическая психология: учеб. пособие / В. П. Михайлова, Н. И. Корытченкова, Л. А. Александрова. – Кемерово, 2005.

УДК 159.922

КОНСТРУКТ КАК СТРУКТУРНО-ОПИСАТЕЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

С. С. Смагина

В общенаучном контексте, похоже, термин «конструкт» имеет неограниченный диапазон пригодности, независимо от области научного знания: его многоликость и полимодальность обеспечивает удачное скольжение и беспронгрышное использование во многих контекстах и в то же время содер-

жательную неуловимость при избытии вполне определенных формулировок. Генетически конструкт стоит в одном ряду с понятием «логического конструирования», обязан своим введением Расселу и базируется на принципе новой формы «битвы Оккама», главным допущением которой является ги-

потетический характер, необходимость подмены (замещения) в определенных областях научного знания множества допустимых объектов чисто логической структурой с целью экономии в научных рассуждениях и для выведения более компактного и стройного умозаключения (2, с. 5-18).

В данной работе этот термин рассматривается в контексте теории Дж. А. Келли (1955), которая в отечественной психологии получила свою определенность в русле смыслового подхода к исследованию личности (Леонтьев Д. А., 1997), в рамках теоретических и методических схем экспериментальной психосемантики (Петренко В. Ф., 1983, 1988, 1997; Похилько В. И., 1985; Шмелев А. Г., 1983, 1994), развивающих, в свою очередь, идеи школы Выготского-Леонтьева. По мере последовательного обнажения свернутых в нем возможностей формируется стойкое убеждение, что этот эвристичный келлианский термин резонирует и с легкостью «увязывается» со всеми образующими сознания и обладает большими конструктивными возможностями для его описания. При этом, пожалуй, одним из основных его преимуществ является ЛИЧНОСТНОСТЬ, «укорененность в реальных жизненных отношениях, в практике субъекта». В этой связи, на наш взгляд, одна из наиболее удачных трактовок конструкта в отечественной интерпретации представлена Ю. М. Забродиним, В. И. Похилько [7, с. 3-15]. Конструкт определяется как «самостоятельное семантическое образование, способ дифференциации объектов, особое субъективное средство, созданное (сконструированное) самим человеком, проверенное (валидизированное) им на практике, с помощью которого человек выделяет, оценивает, прогнозирует свое поведение, реконструирует систему взаимоотношений с окружающими. В монографии В. Ф. Петренко (1988, 1997) конструкт расценивается как «индивидуально-личностный эталон восприятия» [4, с. 86], используемый личностью для категоризации себя и других, соответственно конструктивное пространство – индивидуальная система значений, организованная в совокупность эталонов и стереотипов, образующих категориальную сетку, сквозь призму которой выделяются значимые признаки в ситуациях, в других людях и т. д. (Петренко В. Ф., 1988). Келлианские представления о суперординатности (в той же монографии) идентифицируются с категориальной структурой индивидуального сознания, ибо именно «глубинные» личностные конструкты опосредуют восприятие и осуществляют регуляцию поведения.

Применительно к проблеме психологической культуры межличностных взаимодействий конструкты рассматриваются как «личностные детерминанты индивидуального стиля общения» [3, с. 39].

Изначальное предназначение конструкта (или системы конструктов) – способность доказать эквивалентность течения любого процесса с помощью сильной фиксированной системы, также как и его общетеоретизируемые свойства (системность, иерархичность и др.) – не утрачены ни в контексте са-

мой теории Келли, ни в русле экспериментальной психосемантики.

Анализ основных положений теории личных конструктов показывает, что основное концептуальное содержимое конструкта есть «суть способ истолкования мира» (Kelly, 1955) или некая вариация интерпретации, форма репрезентации (в том числе и до-не-вербального уровня), как называл ее Витгенштейн (Wittgenstein, 1969) – *begiffswelt* – ТО, с помощью чего мы транслируем «первичный» мир, ибо мы способны его познать только посредством наших интерпретаций в виде конструирования и «изобретения» его. В то же время конструкции реальности поработают нас, – мы никогда не будем свободными от того, чтобы видеть этот мир непосредственно, и уже содержимое конструкта диктует в форме предписаний что и как, что и каким образом мы будем осознавать, осмысливать, понимать. Конструкт не только описывает реальность, но и на основании прошлых репликаций «диктует, как лучше понять ее и направляет наши мысли вдоль определенных каналов, исключая другие» [10, с. 44-62].

Конструкты-процессы постоянно меняются, двигаясь по гибкой, структурированной системе каналов, созданной нашими индивидуальными конструкциями. Цитируя Дж. А. Келли, «использование конструкта – это вопрос выбора вестибюлей, сквозь которые продвигаешься в течение дня» [10, с. 66]. С позиции экспериментальной широко образовательной модели «человека – исследователя» конструкт определяется Келли как личная гипотеза, спроектированная к испытанию, и впоследствии подтвержденная или неподтвержденная, обоснованная или необоснованная внешней реальностью. (На «язык гипотез» и фразирования конструкций Келли, видимо, вышел под влиянием Vaihinger Н.). «Масштабность» конструктного измерения подчеркивается экстраполяцией о его многогранной, вездесущей, универсальной природе, присущей как человеку, так и более низкоорганизованному животным (Kelly, 1955); конструкт расценивается и как инструмент познания, и продукция опыта, и атрибуция, и основание для предсказания, и социальное передаваемое, и личностно уникальное.

На протяжении всей работы Келли с настойчивой интенсивностью акцентирует антиципирующий характер истолкования моделирования: конструкт – антиципация, предсказание будущих событий. Антиципации основываются на истолковании личностно уникальных репликаций прошлого. Истолковывая извлеченные из монотонно-однообразного потока событий повторяющиеся темы, мы провоцируем в наших антиципаниях будущие события. Теоретически «свежее» в известном смысле понимание келлианского конструкта не только в функции контроля и управления поведением, а в осознании усовершенствованной репрезентации (истолкования) событий будущего. Конструкт – это лучшее понимание того, что должно произойти.

Формально теория личных конструктов состоит из Основного постулата и одиннадцати вытекающих из него короллариев (следствий), каждое из которых посвящено описанию различных свойств конструкта, конструктивной системы в целом. К наиболее значимым характеристикам конструктивного измерения относятся его следующие свойства: личностная уникальность, дихотомическая форма, антиципирующая направленность, системность, ограниченный фокус и диапазон пригодности, динамичность.

Ключевой особенностью конструкта, важной структурной характеристикой является дихотомическая форма (или ее эквивалент – биполярность). Конструкт представляет собой некую бинарную оппозицию в виде двух альтернативных полюсов, выражающих антонимичные отношения. Контраст включает варианты потенциальных выборов, один из которых в настоящем срезе не актуализирован; исследование контраста может привести к пониманию будущего выбора и, «если человек выбирает суицид, значит, он уже хорошо понимает практическую альтернативу суицида» [10, с. 522]. И еще важнее, на наш взгляд, мощь и дислокация этих сцепленных альтернативных систем в общей смыслодержательной системе (системе конструктов).

Это положение подлежит рассмотрению в королларии о Дихотомии – *Dichotomy Corollary* [10, с. 41-45]: «У каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструктов». Королларий о дихотомии, пожалуй, один из самых поглощаемых и соблазнительных положений для психолингвистических и психосемантических оценок, ибо тождественен некоторым семантическим феноменам, учитываемым при моделировании значений. Применительно к конструктам Дж. А. Келли, в качестве параллельной, наиболее распространенной иллюстрации, приводится оппозиционная концепция А. А. Брудного (1971), суть которой заключается в том, что значение слова определяется не столько отношениями сходства, сколько конституируется системой противопоставления. Далее следует хорошо аккомпанирующий этой концепции пример, где доказывается роль смысловой оппозиции: в дословном переводе с русского на осетинский язык понятия «железная дисциплина» смысл его изменяется на противоположный, так как в русском языке «железо», как более твердое, неявно противопоставляется «дереву», «меди», тогда как в осетинском «железо», как более мягкое, неявно противопоставляется стали [7, с. 16].

Дихотомичная природа конструкта, по предположению Дж. А. Келли, отражает сущность мышления, точнее, способа, которым люди в действительности мыслят, и это характерно как здоровому, так и фрустрированному человеку. Человек осознает жизненный опыт в терминах «черного» или «белого», а не оттенках «серого»; переживая события, он замечает, что какие-то из них сходны друг с другом и в тоже время отличны от других (Kelly, 1955); [10, с. 439]. Поведение человека может базироваться на

множестве сцепленных друг с другом паттернов «сходства-различия», которые иногда сообщаются символическим языком. Конструкт, который предполагал бы подобие без противоположности, представлял бы по большей части беспорядочную недифференцированную гомогенность, тогда как конструкт, который предполагал бы противоположности без подобия, представлял бы хаотически раздробленную гетерогенность [1, с. 71]. Дихотомичная форма конструкта фиксирует лимиты смысла, альтернативный компонент категоризирует конструкт, указывая на диапазон функционирования индивидуального значения, ценностно-смысловую принадлежность, а в самой «решетке» принцип биполярности незаметно самоорганизует разнородные элементы в (так любимую Келли) стройную упорядоченность.

Идея «дихотомичности» мышления в европейской традиции восходит, как минимум, к Сократу. Специфика связи противоположностей отмечалась еще в элементах философского знания у Гераклита: «единство в противоположности, и противоположности в единстве» [11, с. 10]. При моделировании систем значений в лингвистических и психолингвистических концепциях (Osgood Ch., 1957, 1975; Брудный А. А., 1971; Adams-Webber J. R., 1979 и т. д.) также используются семантические принципы сходства и противопоставления. Подробный обзор подходов к моделированию семантической структуры систем значений можно найти в работах: Слобин Д., Грин Д., 1976; Клацки, 1978; Шмелев А. Г., 1982, 1983; Величковский Б. М., 1982; Петренко В. Ф., 1983 и другие.

Модель «сходства» представляет собой структурированный набор униполярных семантических признаков, каждый из которых либо присутствует, либо отсутствует в значениях; а в моделях «противопоставления» в качестве базиса выступают биполярные оппозиции, или семантические измерения, в которых эффект противопоставления и играет ведущую роль при определении значений [5, с. 70-71]. Келлианский конструкт одновременно устанавливает сходство (обобщая два элемента на основании выделения признака) и определяет контраст, вызывая напряжение между двумя полюсами. Биполярность порой отражает суть определения конструкта вообще: «Конструкт – это то, чем два объекта сходны между собой и одновременно отличны от третьего». На этом же основании Дж. А. Келли противопоставляет «концепт» и «конструкт» как возможное отношение части к целому (если рассматривать концепт эквивалентом «перцепта» и учитывать биполярную форму конструкта), отмечая контекстуальное предпочтение как термина.

В главах основной теории Келли описывает 6 способов выявления конструктов:

- 1) метод минимального контекста;
- 2) метод полного контекста;
- 3) последовательный метод;
- 4) метод самоидентификации;

- 5) метод ролевых персонификаций;
 6) совмещенный метод полного контекста – и ни в одном из них Келли не отступает от выделения триады из всего многообразия различным способом структурированного материала.

Абстрагирование триады (трех элементов – персонажей), видимо, является необходимой идеальной предпосылкой для «прорезания» конструкта, однако, как показывают более поздние исследования [11, с. 513-517], триада не безусловна для выявления сходства и контраста: альтернативный полюс (вторая половинка конструкта) маркируется более отчетливо, если испытуемому дают установку на поиск субъективного антонима, нежели просят оценить, чем третий отличается от двух других. Триадный метод выявления оказался также несостоятельным для умственно неполноценных, а также плохо владеющих языком детей. Применение триадического принципа в этих группах, накладывает определенные ограничения на выявленные конструкты (Франселлам Ф., Баннистер Д., 1987). Такие способы извлечения конструктов, как метод построения пирамид (Landfield A. W., 1971), метод самохарактеристики (Франселла Ф., 1987)] вообще минуют стадии «уплощения» до трех элементов и в минимальной степени регламентируют направленность реакций-ответов интервьюируемого, но строго соблюдают (как и в случае с интеллектуально несостоятельными детьми) принцип биполярности, выдерживая дихотомическую форму конструкта, то есть попросту просят определить противоположный аспект отношений, характеристику, свойство и т. д.

Тем не менее в психосемантике отчасти нивелируются свойства биполярности и градуальности конструкта: термин используется не обязательно для обозначения взаимосвязи признаков описания (значений), не обязательно имеющих отношение антонимии и не только для шкал порядка, но и для номинальных шкал конструкт становится униполярным и выглядит как концепт.

Специфика конструкта тесно связана с пониманием его личностной уникальности, единичной неповторимостью, что описано в одном из первых короллариев глав Основной теории – Королларии об индивидуальности, который утверждает высокую индивидуализированность системы истолкования. «Люди отличаются друг от друга своим истолкованием (конструированием) событий» [10, с. 38]. Так как каждый из нас имеет собственный уникальный опыт, конструирование действительности различно.

Ни степень близости, ни совместный опыт, ни одинаковый генетический код не в состоянии обнаружить, абсолютно отождествить систему личных конструктов. (Таким образом, Келли высказывает неодобрительное отношение к системам классификации и типам индивидуальности). Система субъективных представлений и оценок имеет высоко индивидуализированный (эксклюзивный) характер. Конструкт рождается, функционирует и соответственно может быть «раскодирован» и психологически осмыслен только при наличии сти-

мультных объектов его «породивших». Конструкт (как и подсистема конструктов) всегда работает в контексте, и данный человек в данный момент времени может применить его к ограниченному набору объектов-персонажей.

Столь многозначный в оттенках перевода personal construct, в первую очередь, может переводиться как «персональный» или «индивидуальный»; более распространенный вариант перевода «личный» (например перевод Алексеева «Теория личных конструктов», 2000) или даже «личностный». Под последними имеются в виду конструкты, относящиеся к сфере личности и межличностных отношений (Похилько В. И., Федотова, 1984). В нашем исследовании используется понятие «личный», подразумевая персонально изобретенный испытуемым, его «собственный» конструкт. Отнесенность «личных» конструктов к сфере личности и межличностных отношений связана с заявленным объектом исследования. («Личные» конструкты могут генерироваться и в сфере восприятия произведений искусства, и при оценке образа жизни в тот или иной период развития общества и т. д.).

Между тем следует отметить ряд отличных устойчивых тенденций, развивающихся в процессе психосемантического анализа тех или иных стереотипов (Петренко В. Ф., Нистратов, 1988; Петренко В. Ф., Кучеренко, 1988 и др.) и несколько смещающих акценты в понимании функциональности конструкта. Во-первых, в подавляющем большинстве исследований картиной мира (формой репрезентации категориальных структур сознания) выступают «искусственные» семантические пространства. Испытуемый (интервьюируемый) шкалирует, баллирует, классифицирует и т. д. «навязанные» ему биполярные дескрипторы, которые в его сознании могут быть представлены как иные семантические категории или не представлены вовсе, и в таком случае говорить о реальности этих семантических измерений не приходится. На настоящий момент времени можно констатировать наличие большого количества исследований, посвященных выявлению различий между «вызываемыми» субъективными признаками и «задаваемыми» экспериментатором шкалами (Adams-Webber, 1970, 1979; Oswalt, 1974; Mitsos, 1961; Fransella, Bannister, 1977; Field, Landfield 1961 и др. – см. Похилько В. И., 1988, с. 42-44), анализ которых показал, что «вызванные» или собственные субъективные шкалы оказываются:

- а) более релевантны для самоописания;
- б) по ним люди сильнее дифференцируют себя от других;
- в) оценки оказываются более экстремальными;
- г) оценки более предпочитаемы;
- д) изменения более информативны.

На самом деле «навязывание», «задавание» конструктов часто покупается ценой решения ряда сложных методических проблем, связанных с сопоставлением и обобщением результатов групповой оценки данных.

Специфика конструкта связана не только с пониманием его личной индивидуальной природы, но и с его системностью, системной целостностью, взаимообусловленностью, люди отличаются не только самой интерпретацией событий, но и организацией системы анализа, соответственно конструкты характеризуются не только содержательно-смысловыми различиями, но и порядково-ранговыми отношениями (о чём и гласит Королларий об Организации [10, с. 39-41]). Каждый человек по-своему, сообразно преследуемым при антиципировании интересам, развивает систему истолкования, содержащую порядковые отношения между конструктами. «Было бы ошибкой думать, что конструкты беспорядочно теснятся в сознании человека и каждый раз применяются по отдельности» [12, с. 446]. Конструктивная система (индивидуальная система значений) является системной по своей природе: целостной и связанной, имеющей иерархическую структуру, многомерную и многоуровневую, включенную в множество интерсистемных связей и отношений, входящей в когнитивную и регуляторную и т. д. подсистемы психического. Конструкт не может быть автономен, он всегда является «неизвлекаемым» элементом системы, задействованным в горизонтально – вертикальных отношениях, характеризующихся определенной силой «связности» с другими элементами системы.

Системно-иерархические свойства конструктов (конструктивной системы в целом) нашли свое отражение в понятиях «суперординатность / субординатность», «проницаемость / непроницаемость», «жесткость / рыхлость», «артикулированность / сегментарность / монолитность», «пропозициональность / констелляторность» – то есть каждый из этих терминов, операционализированный в соответствующих формально-структурных показателях, является следствием («чистой продукцией») представления о структурной организации конструктивной системы и конкретно отвечает за тот или иной аспект вертикально-горизонтальных отношений-связей между конструктами. Конструкт несвязным не бывает – в противном случае мы были бы неспособны использовать одну часть информации, чтобы добраться до другой, мы не были бы способны ожидать и антиципировать.

Каждый конструкт в системе неизбежно задействован в комплексных связях с другими конструктами и различными элементами, вследствие чего он может быть одновременно подчиняемым и подчиненным, включаемым и включенным, сильным и слабым, главным и случайным.

При этом, поскольку пространство конструктивной системы пребывает в постоянном движении, то «горизонтально-вертикальные» связи между конструктами тоже достаточно динамичны.

Изучению структурных характеристик, иерархических свойств систем конструктов посвящено, пожалуй, большее количество исследований, чем иным аспектам теории: Bannister D., 1960; Adams – Webber J., 1969, 1970; Bonarius J. C., 1965; Hinkle

(1965), Landfield (1971), Fransella (1972) и т. д. В разработанной Hinkle «имплективной решётке» и «решётке», измеряющей сопротивление изменениям, нашла подтверждение гипотеза о большей устойчивости к переменам, о большем количестве импликаций, о более сильном сопротивлении изменениям и, следовательно, большей психологической значимости суперординарных конструктов в отличие от субординатных. Ф. Франселла ввела показатель насыщенности, который отражает степень констелляторности конструкта при изучении внутри подсистемы, используя модификацию имплективной решётки Д. Хинкла (Hinkle D., 1965). Landfield и Barr (1976) описали меру, названную ими «показателем упорядоченности», с целью предсказания поведения индивидов в группе (Франселла Ф., Баннистер Д., 1987).

Конструкт имеет определенный диапазон и фокус пригодности (Королларий о Диапазоне пригодности, Келли, 1955). Зона приложения конструкта ограничена. Обычно «правило диапазона» тесно связано с механизмом построения «решеток»: конструкт выявляется и может быть релевантен только определенной группе элементов.

Под «диапазоном пригодности» мы понимаем не только, да и не столько техническое правило выявления конструкта (формирование конструкта), а некий сквозной механизм, который лежит в основе объяснительной и методологической позиции автора теории: диапазон пригодности – это определенная зона функционирования и реализации, в пределах которой данный элемент, система или единица истолкования (будь то идея, теория, конструкт) обеспечивает зону полезного действия. Эта зона не только создает благоприятные условия формулирования и формирования, но и обеспечивает максимальное использование интерпретационного потенциала объяснительной единицы или системы. Факты реальности, истолкованные некой «миниатюрной» системой, отчасти являются продукцией ее самой и имеют смысл только в свете ее теоретизирования.

Конечно, объяснительные единицы или системы могут быть общеразделяемыми с широким или неограниченным радиусом применения и использования, «публичные», легко поддающиеся передаче и различным заимствованиям, их миссия более долговечна и иногда характеризуется «индексом» фундаментальности, классики и т. д. Однако теория, также как и конструкт, могут потерять в «полезности», если будут «пересажены» из одной области в другую и, возможно, утратят тот «живой» смысл, мерцающий в неповторимости единичного и иллюзии близости истины, поиски которой этот смысл отражает.

Как теория, так и конструкт, имеют определенную степень и сферу релевантности. Инфляция специфической психотерапевтической техники Фрейда до пределов мощной религиозно-философской системы, претендовавшей на оригинальное решение чуть ли не всех проблем, дока-

зывает: то, что достаточно верно в ограниченном диапазоне, вовсе не должно быть верным за его пределами.

В свою очередь, факты реальности, истолкованные некой системой (идеей // конструктом) не обязаны хранить ей верность и всегда открыты для иного истолкования. Но на этом этапе именно данная объяснительная система обладает правом владения и доступностью интерпретации данного факта. Видимо, подобная «территориально-временная» определенность (пробывание, заданность) и обеспечивает прогрессирующую динамику научного знания в целом, неизбежно обрекая на естественное угасание поступь частной теории как системы истолкования...

Было бы недопустимым не упомянуть еще об одном свойстве конструкта, избегаемом в описании большинством исследователей или характеризующим как второстепенное, «затененное» преимуществами конструкта. Его значимость выходит на первый план и осознается как негативная при «лобовом» восприятии еще «сырой» «решетки» — это способность точно вербализовать извлекаемый конструкт или, как называют его Л. Хьелл, Д. Зиглер [12, с. 126-127], «способность точно описать (определить) конструкты, которые человек использует». Дж. А. Келли признавал, что точные слова не всегда приходят на ум, когда людей просят описать их конструктивные системы. А учитывая его идею о том, что базисные конструкты формируются задолго до стадии передачи и на различных уровнях осознания, (в том числе и соматическом, слабо рефлексированном уровне) и каждый из нас в значительной степени ими пользуется, — можно предположить, что отчасти процесс формулирования есть акт обнаружения приближенного к вербальному уровню довербального конструкта и оформления в словесную оболочку в терминах «зрелого» мышления, что чревато неадекватностью и неточностью описания.

Содержание фактически всех короллариев разносторонне характеризует природу конструктивной системы:

а) личностная уникальность конструкта (отражает единичную неповторимость картины мира);

б) системно-структурные характеристики конструкта (система конструктов целостная, многомерная, многоуровневая, включенная во множество интерсистемных связей и отношений);

в) биполярная форма конструкта (отражает идею дихотомичности мышления);

г) пространственно-временная характеристика конструкта (зона полезности и релевантности смысловых структур регламентирована);

д) динамические свойства конструкта (конструктивная система изменчива, так как представляет собой систему гипотез, спроектированная к испытанию).

Конструктивная система выступает модельным представлением организации субъективного опыта, категориальной структуры индивидуального сознания.

Литература

1. Келли, Дж. А. Теория личности / Дж. Келли. — СПб.: Речь, 2000. — 249 с.
2. Ледников, Е. Е. Проблема конструктов в анализе научных теорий / Е. Е. Ледников. — М.: Академия, 1975. — 174 с.
3. Муравьева, И. Н. О ролевом компоненте Я-концепции / И. Н. Муравьева, Е. С. Шильштейн // Вестник МГУ. Сер. 14 Психология. — 2001. — № 1. — С. 29-36.
4. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 208 с.
5. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие / В. Ф. Петренко. — Смоленск: СГУ, 1997. — 400 с.
6. Похилько, В. И. Когнитивная дифференцированность // Общая психодиагностика / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. — М.: МГУ, 1987. — С. 238-240.
7. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер. — М., 1987.
8. Шмелев, А. Г. Концепция систем значений в экспериментальной психосемантике / Шмелев А. Г. // Вопросы психологии. — 1982. — № 4. — С. 17-27.
9. Crockett, W. H. The organization of construct systems: The organization Corollary // Mancuso J. C., Adams-Webber J. R. The construing person. — New York: Praeger. — P. 170-197.
10. Kelly, G. A. The psychology of personal construct, Vols. 1 & 2 / G. Kelly. — New York: Norton, 1955. — 456 p.
11. Kenny, V. The Psychological reconstruction of life: An introduction to personal constructs psychotherapy. — 1984: October. — 25 p.
12. Fransella, F. Personal Change and Reconstruction: Research on a Treatment of Stuttering. Academic Press / F. Fransella. — London and New York, 1972.